

Юлия торопилась на Ярославский вокзал и вроде не опаздывала, но, как обычно, неслась вперёд, чтобы поскорее выбраться на платформу, плюхнуться на скамейку и до прихода электрички уткнуться в заветную книжку.

В сумке – сборник Иннокентия Анненского со стихами, и, если бы она не пообещала подруге на выходные приехать к ней на дачу, сидела бы дома, устроившись на диване, и читала, погружаясь в сладостное очарование поэзии. Но обещание есть обещание, и дача в Покровке среди цветущего жасмина и орешника манила не меньше, чем книга.

Вид уставшей послушницы, стоявшей в подземном переходе с площади трёх вокзалов, остановил Юлю, заставил шагнуть за киоск и прижаться спиной к стене.

Послушница одной рукой поддерживала ящичек для пожертвований, другой сжимала молитвенник. Усталые глаза смотрели в пол, побледневшие, пересохшие губы что-то тихо шептали. Две пустые пластиковые бутылки из-под воды лежали вдоль стены. Сколько таких послушников по всей Москве стоит – одному Богу ведомо.

Юля понимала, что не совесть, а скорее беспокойная натура не позволит равнодушно пройти мимо. Сколько раз так было! Вот и сейчас: только что о стихах думала – и разом перескочила в мысли о послушничестве. Подумала, легко ли стоять в подземке, держать бедный ящик для пожертвований и неустанно молиться. Тем более, Юля знала о трудностях послушничества не понаслышке. И раз уж остановилась, то не впустую же – сдёргнула с шеи сиреневый платок, повязала на голове, поправила юбку и решительно направилась к девушке.

– Здравствуй! – сказала Юля с лёгким поклоном, как это делают православные прихожане. – Я в Посад еду, поклониться. Смотри – стоишь... Первый

раз, да? – она заглянула в уставшие глаза и подумала: «Ей хоть двадцать-то лет есть?» Никогда не умела угадывать возраст, а тут как угадаешь: бледная, утомлённая, с ноги на ногу тихонько переминается.

– Давай ящичек и сбегай в уборную, умойся там и всё остальное, а я постою за тебя.

Юля неуверенно потянулась снять бедный ящик с её шеи. Та подалась, расправляя плечи.

– Господи Боже мой, как же хочется курить! – сорвалось с уст послушницы, отчего Юля чуть не уронила ящик. Совсем не таких слов она ожидала. А девушка потянулась, поправила подрысник и остервенело стала разминать плечи.

– Точно, первый.

Голос у неё был с характерной хрипотцой. Она удивлённо окинула Юлию взглядом.

– Тебя, наверное, не проведали ещё? – смущённо улыбнулась та.

– Должны были, но, видать, не получилось...

– Ясно... Тогда беги, сделай свои дела, а я постою.

Юля накинула ремень ящика на шею. С ляжками на манер рюкзака было бы удобнее, конечно, а этот ещё и железный – на дне звякнула мелочь.

Послушница склонила голову и прищурилась.

– Как же? Разве можно?

– Что ж нельзя? Господу твой стыд не к лицу, а ты давно, наверное, терпишь. Рано пришла?

– В шесть утра! Всё ничего, но курить жёсть как охота. Недавно бросила, тяжело, когда стоишь и ничего толкового не делаешь.

– И ещё сколько стоять? Батюшка запрет давал, что отойти нельзя и умыться? – Юлия продолжала напирать, чувствуя себя неловко. Она-то пожалела послушницу, с виду «невинную овечку», а та в жалости совсем не нуждалась.

– Нет, – ответила незнакомка, поправляя ящичек на её плечах. – Я не о том. Можно ли мирскому ящик держать?

– Я не знаю всех ваших правил, но в уборную с ним, думаю, точно не надо. Пусть на моих плечах повисит, ты же недолго. Как тебя зовут?

– Сестра Ксения, – она кивнула и наклонилась за бутылками и сумкой. – Ладно, уговорила, схожу. Юля перевела дыхание.

– Вот и хорошо. У тебя час! У меня пирожки с картошкой и сладкий чай с лимоном в термосе, всё постное! Перекусишь?

Послушница довольно кивнула и побежала в привокзальный туалет. Однако резко остановилась на ступеньках и внимательно посмотрела в её сторону, видно, спрашивала себя, можно ли доверить бедный ящик незнакомому человеку. Юля улыбнулась ей и взяла молитвенник в руки, развернула на первой странице. Когда послушница всё же решила и убежала, молитвенник переключал за пазуху, а на смену ему была извлечена миниатюрная книжка Анненского. Хотелось читать, но что-то не шли стихи. Мысли кузнечиками прыгали в голове одна другой смешнее. Юлия смеялась над собой: надо же, как забавно получилось. Она думала, что в послушницы идут смиренные и тихие души: если юные девушки, то робкие и нежные, которых ужасает грубость житейского мира. Как же она заблуждалась!

Стоять было неудобно: тянул за шею ящик. От стены веяло холодом, и спина вскоре заныла. Девушка, подперев одной рукой бок, а в другой зажав книжку, читала и переворачивала листы.

В поэзию погрузиться не получалось: в ящик падала мелочь, иногда шуршали бумажные деньги – это отвлекало. Одно дело – общий гул машин, пешеходов, отдалённые сигналы электричек; и совсем другое, когда монеты брякают. Девушка знала, что для сбора пожертвований выдают деревянные ящики. Что же Ксения могла такого натворить, что ей вручили железный?

Юлия оторвалась от книжки и заметила, что деньги кидали едва ли не с улыбкой. Вид, должно быть, у неё был презабавный со сборником в руке, хотя откуда прохожим знать, что она там читает, молитвы или стихи.

Ксения, если увидит сборник, скорее всего, выговор сделает. Или того хуже: отругает. Юля поёжилась и поменяла книжки местами, развернула молитвенник и задумалась. А ведь она когда-то хотела уйти в монастырь, придёт же такое в голову. Оттого, наверное, и остановилась в подzemке: увидела послушницу и как на стенку наткнулась. Встреча с Ксюшей заставила вспомнить те времена, когда Юля по четыре-пять часов выстаивала на службе: вымаливала у Бога здоровья для близкого человека. Поверила крёстной, что это поможет ему справиться с болезнью, и потом ничем другим она ему помочь всё равно не могла. Вымолила, но пути разошлись, разнеслись в разные стороны, и кто тому виной: судьба или божий промысел? Вспомнился упрёк от крёстной:

– Кто знает, может, твои молитвы и помогли ему... Но до встречи с ним праведно ли жила? Он

из семьи воцерковлённых, воспитанный в вере, а ты?.. Не пара ты ему, вот и не сложилось у вас ничего...

Конечно, как тут сложится, если близкий человек из семьи воцерковлённых христиан, а Юля выросла под опекой деда – коммуниста! Знать не знала ни о вере, ни о религии, пока не влюбилась в институте и не потянулась в семью будущего жениха, в совсем незнакомый мир.

Слова крёстной задела её, долго потом церковные книжки мусолила, хотя одного Добротолубия было бы достаточно. Всё одно: что Библия, что Евангелие вкупе с Добротолубием – притчи, жития святых, каноны. При тогдашней своей юности ей не хватило ни ума, ни души во всём этом разобраться. Как после оказалось, и незачем. Страсть к жизни, а того пуще – к свободе была сильнее стремления обрести причастность к Господу. Не стало рядом жениха – ушла и надобность в вере.

Но на тот момент, когда пути с близким человеком разошлись, Юлия сильно страдала. Как же, от неё любимых жених отказался. Такой дорогой и такой воспитанный, слишком воспитанный, как оказалось. Вот и ей захотелось уйти к тому, кто от неё никогда не откажется, – к Богу то есть. С двоюродной сестрой отправилась в один из подмосковных женских монастырей: приглядеться, попробовать, примерить чёрный подрясник, постоять на службах. А вдруг это её, и там она нужнее?..

Двоюродная сестра по выходным выполняла при церкви разные работы. Пока добиралась до монастыря, она рассказывала о спокойной и благостной жизни при храме, о работах, где ума не надо, о службах, где все мысли только о Спасителе и послушании. И никаких книг, кроме церковных, и никакого мира внешнего, разве что по необходимости, болезни или смерти близких. Юлька как услышала, так и замерла столбом. Они тогда с сестрой как раз к центральным воротам подходили. Однако девушка быстро пришла в себя и направилась на территорию монастыря. Одна из послушниц подтвердила слова сестры: те, кто решил отдать себя служению Господу, отказываются от всего мирского. И годы послушничества строгие.

Долгое время Юля жила и пыталась разобраться, что в ней сильнее. Крёстная, глядя на её душевные терзания, снова сказала:

– Ну, куда тебе в монастырь, там жизнь праведная, путь веры и послушания, а в тебе борьбы много, беспокойная ты...

Так ничего в Юлиной жизни серьёзно и не менялось. Работает, книжки читает и по святым местам ездит.

Подошла Ксения. Выглядела она теперь гораздо лучше: лицо посвежело, румянец появился на щеках, губы обрели здоровую яркость. Пахнуло сигаретным дымом. Юлия еле сдержала улыбку.

Послушница принесла бутылки с водой и тут же расплескала одну вокруг своего места. Неважный способ увлажнить воздух и прибить пыль

в подземке, но ближайший час дышать будет легче. Пока она воду разбрызгивала, девушка достала пакет с пирожками и термос, налила ей полную кружечку. Послушница без смущения взяла чай и засунула в рот пирожок, торопливо жуя.

– Время ещё есть, ешь спокойно, – проговорила Юля.

Ксения улыбнулась.

– Утомилась, наверное. Ящик тяжёлый, я шею до крови натёрла, – сказала она и потянулась за следующим пирожком.

– Да. Насколько я знаю, деревянные дают, а у тебя железный. Прогневала матушку, что ли?

– Батюшку... – поправила та. – Только не прогневала. Я сюда добровольно, по своему желанию попросилась. Помогаю при церкви, она древняя, деревянная, мы её бережём, но денег на ремонт не хватает. Я нашего батюшку Мефодия уговорила отправить меня за пожертвованиями. Он этот старый ящик нашёл. Меня должна была матушка Ефросинья проведать, но, видно, давление не пустило.

– Вот как! Я думала, ты новенькая и это твоё первое послушание. – Юля окинула взглядом подземку. Поток людей становился гуще, шум нарастал.

– Ты точно в Посад на поклон едешь? Или меня пожалела? – неожиданно спросила Ксения и так весело улыбнулась, что Юля растерялась.

– На самом деле, я к подруге, а по пути хотела туда – поклониться и пряников купить...

– Смутила тебя, да? Прости сердечно. Я тоже навещаю, хотя Сергиев Посад в другой стороне: покупаю медовые пряники нашему батюшке, очень он их любит.

Послушница протянула кружку за добавкой.

– Кому медовые, а мне с яблочным повидлом, – ответила Юля, наклоняя термос.

– И незатратно им везти тульские пряники? Сами не пекут.

Ксения шмыгнула носом, утёрлась рукавом подрясника и со вздохом удовольствия отхлебнула чай.

– Город есть в Тульской области – Алексин.

Юля порылась в сумочке и выудила карамельку, протянула послушнице. Та смешно закатила глаза, но взяла её.

– Так вот, рядом с городом деревня Поповка – это бывшее имение князей Львовых, после них частично сохранились яблоневого и грушевые сады. Я в прошлом году ездила туда на поклон, в Поповке восстанавливают церковь Смоленской иконы Божьей Матери... Видела старые яблони, церковь и заброшенную школу, которую ещё княжичи строили. Очень меня там всё впечатлило. Ходила и думала: жили ведь люди, о земле пеклись. Эти князья первыми своих крестьян освободили от крепости, ещё и работу им предоставили. Разве думали, что память о них в пряниках останется...

– Надо же, я и не слышала о таком. В России храмов много, это верно. Наша церковь от столицы на отшибе, вокруг, в основном, дачи. На службу народ приходит, но пожертвований мало, а у нас всё деревянное, пол в нескольких

местах прогнил, крыша протекает. Крылечко покосилось... Соберу сколько, батюшка досок купит. Нам разрешили...

Ксения потихоньку цедила ещё горячий чай. Пирожки хоть и постные, но сытные. Смотрит Юля на неё и переживает. Последние часы стояния в подземке тяжёлыми будут. Тут даже в самую московскую жару прохладно. Не застудилась бы.

– Ксюша, ты бы не стояла так долго, три-четыре часа – вполне хватит. Я тебе не указ конечно, но побереги себя для прихода. Если у вас там старики одни, то сама понимаешь... – коряво у Юлии с советами, но она искренне разволновалась.

Послушница посмотрела на девушку и улыбнулась:

– Не бойсь за меня. А то давай к нам на помощь, зря что ли по храмам и святым местам мотаешься. Тянет, поди, к Богу...

– Тянет обрести уверенность, что живу не впустую, а в таких местах на душе спокойнее становится. Я хотела, готовилась даже, но, понимаешь, я книжки читать люблю, слабостей много, от которых отказаться нет сил, и потом... несправедная я, и веры во мне мало, – сказала Юля откровенно, не видя смысла таиться.

Ксения выслушала и захохотала – смех гулким эхом заматался по подземке. Она тут же ладонью прикрыла губы и трижды перекрестилась.

– Насчёт веры не мне, конечно, судить. Я с раннего утра стою, хоть бы кто подошёл, наших много мимо меня по делам спешило. И только ты, а на тебе даже креста нет, несправедная!

– Креста нет, образок есть ангела-хранителя, булабочкой к бюстику приколот.

Послушница посерьёзнела, взяла из её рук термос, стряхнула кружку и завинтила. Поставила в сумку.

– Я тебя задерживаю, давай молитвенник и ящик... А что ты не праведная, это тебе кто-то из священства сказал?

– Неважно, кто сказал, я сама за собой это знаю. Ещё я беспокойная и борьбы во мне много.

Юльку понесло, раз душу открыла – теперь не захлопнешь. Передала ящичек, сунула книжечку и размяла плечи. Всего час с ним стояла, а ощущение самое малое на звание игуменьи.

– Думаешь, борьба – она только в мирских? Я каждый вечер поклоны кладу перед иконостасом, прости Господи. Первый год служу, курить до сих пор бросаю. Батюшка Мефодий говорит, что это хорошо, когда борьба и беспокойство, значит, душа болит, не сдаётся! А праведно жить – дело нехитрое, большого ума не надо, – быстро сказала она, принимая ящик.

– А что надо?

Ксения устроила лямку от ящика на шею, а потом протянула руку и поправила на Юлькиной голове платок, заправила прядку волос.

– Сердце чуткое!

– О, ну этого добра у нас с избытком, – улыбнулась Юля. Расставаться не хотелось. – Ксюша, как тебя в послушничество занесло?

– Я в семье четвёртым ребёнком родилась, у сестёр и братьев семьи, детей полно, а мне захотелось чего-то большего, чем семейные будни. Чтоб не для себя одной. Прошлым летом поехала как-то на дачу, шла от станции, смотрю – матушка Ефросинья доску по земле волочит, ну я и подхватила помочь, вместе с батюшкой потом крылечко нашей церкви ремонтировали. Так и осталась, о вере и мыслей не было,

Тень воспоминаний на мгновение мелькнула в её глазах. Немного помолчала, неожиданно ожилилась и продолжила:

– Я тебе лучше про нашего батюшку Мефодия расскажу, его-то божий промысел на службу в православную веру привёл!

– Это как? – спросила Юля, глянув на часы. Время терпело, до электрички ещё полчаса.

Послушница перехватила взгляд и быстро заговорила.

– Батюшка до войны родился, в бомбёжку враз лишился родителей. Из родных только бабка с дедом остались, что в Подмосковье жили. Он у них поселился. Они верующие, в церковь ходили молиться, а кто в войну не молился?! Его с собой брали! А он неверующий, они поклоны бьют, а он иконы разглядывает. Одна его зацепила, в серебряном окладе, украшенная перстеньками с драгоценными камушками, что от барынь пожертвованы были. Глаз он отвести не мог от этой иконы, только не на дорогой оклад, а в очи Божьей Матери Владимирской смотрел. Очень она ему в душу запала. И вдруг святотатство: кто-то вломился в церквушку и ограбил, всё серебро какое, подсвечники утащили... и икону прихватили. Батюшка рассказывает, что крепко он огорчился, заболел даже, в горячке лежал. Думали, не поднимется. Но ничего, выкарабкался. Поехали они с бабкой в столицу на барахолку вещи на продукты обменять. Его будто за сердце кто потянул в другой ряд, видит: а икона-то среди барахла в углу валяется, только без оклада и перстеньков. Он к бабке, упрямил выкупить икону, благо, она уже почти ничего не стоила. Так она в нашей церкви до сих пор стоит, и батюшка Мефодий перед ней службы ведёт! Меня Бог доской «поймал», а его через икону притянул. У каждого свой путь.

– Мой путь узлами завязан. Я после разочарования в человеке хотела к Богу прийти, даже в монастырь ездила, но не вышло. Дура молодая, подумалась, первый раз обожглась. Только вот вроде и не пришла насовсем, и уйти не могу насовсем. Мечусь, как кузнечик в траве, и ладно... Кому нужно горестное сердце? – еле слышно проговорила Юлия.

– Когда помогаешь людям, всегда нужен. А для этого не обязательно уходить в монастырь. Если человек встал на путь к Господу, даже и по случайности, этот путь обязательно приведёт к вере

и пониманию – и неважно, где это будет, в Храме Божьем или дома, у постели ребёнка. Мне об этом всегда батюшка Мефодий говорит, когда видит, что я терзаюсь в душе. Поверь, со всеми нашими узлами на пути к Господу мы для него сравнительно лёгкая добыча.

Ксения улыбнулась и погладила её по плечу, а потом спохватилась:

– Тебя как зовут, подруга?

Девушка назвала своё имя.

– Помолюсь за тебя! Спасибо тебе, сестра, и благослови Господь!

Обнялись и поцеловались, как родные. Юля потом бегом к кассе пригородных поездов. Объявили её электричку.

Ещё бы немного поговорили – и всё, душой зацепилась бы за послушницу, она себя знала. Прилипнуть к встречному легко, но у судьбы плохая привычка обрубить привязанности. Пока покупала билет, а после неслась к электричке, старалась не думать, но мысли настойчиво лезли: это судьба, это всё судьба, это Бог её возле Ксении притормозил. Полегчало от разговора. Слово груз растворился без остатка.

В вагоне было душно. Она выбрала сиденье у окна с открытой форточкой. Электричка тронулась, а с ней и запоздалые сожаления. Надо было расспросить про церковь, узнать адрес, попроситься в гости. Быть может, беседа с батюшкой Мефодием сдвинула бы жизнь с мёртвой точки – дала направление. А потом подумала: нет, всё произошло так, как должно. Такие встречи даются раз в жизни, и затягивать их не следует. На всё божий промысел, как сказала Ксения.

Много всяких мыслей ещё приходило в голову. Она достала книжку – молитвенник! Выходит, так увлеклась беседой, что сунула Ксении своего Анненского. По формату и цвету книжки были почти одинаковыми.

Как же так! Девушка подскочила, хотела кинуться к выходу, уже и сумку подняла. Потом опомнилась. Куда бежать? Электричка набрала ход, и до следующей станции минут двадцать, не рвать же стоп-кран посреди пригорода. Вот Ксения бы решилась, в ней чувствовалась некая бесшабашность, а Юлия – одно сплошное сомнение в каждом деле. Она положила сумку, снова села, кляня свою невнимательность.

– Надо вернуть молитвенник. Выйду на следующей станции и обратно, вдруг успею её застать, – решила девушка и раскрыла книжицу. Листала и разглядывала карандашные пометки на полях. Добралась до последней страницы, там – печать церкви и адрес.

Юлия улыбнулась. Надо не забыть купить тулских медовых пряников – отцу Мефодию в гостинец, а сестре Ксении – карамелек.